

мысль ваша! Вы, какъ видно, не признали, что Богъ и Отецъ, творя все безстрастно, и рождать долженъ безстрастно,—и что Онъ выше огня—разсужденіе заставляетъ насъ воспользоваться этимъ сравненіемъ—не чрезъ страданіе и отсѣченіе тѣлесное порождающаго изъ себя огненность (каленіе). Пусть же эти люди, сильные на одни только предположенія и необузданное богохульство считающіе не безбожнымъ дѣломъ, а напротивъ добродѣтелью, — выслушаютъ, что если Сынъ, какъ они утверждаютъ, находится съ Отцемъ въ одномъ только свойствѣ по подобію, то Онъ не будетъ имѣть неотъемлемаго обладанія благами, но окажется въ опасности конечно и Его бытіе-Богомъ-по-природѣ и, согласно принятому основанію, допускать будетъ возможность и превращенія къ худшему. Вѣдь и къ лицу діавола со всею основательностію мы необходимо должны примѣнять то, что говорилось къ вождю Тирянъ: „Ты (еси) отпечатаокъ подобія“ (Иезек. 28, 12). Но оказывается отпавшимъ отъ подобія тотъ, къ кому говорятся эти слова. Уже отсюда со всею ясностію можешь усматривать, сколь нетвердо въ отношеніи къ неизмѣнности состоянія для духовныхъ существъ обладаніе однимъ только подобіемъ съ Богомъ и какъ недостаточно даже для неизмѣннаго пребыванія въ какихъ бы то ни было благахъ одного только запечатлѣнія соотвѣтственно природѣ Творца. Упадетъ и это и низвергается, переходя часто въ худшее настроеніе, чѣмъ было въ началѣ. Итакъ, въ виду такого разсужденія нашего, необходимо допускать, что Сынъ, восходя къ подобію съ Отцемъ по одному только тожеству дѣйствія, не утверждаясь на основѣ природнаго единства и имѣя опору въ однихъ только влеченіяхъ Своей воли,—можетъ подвергнуться и перемѣнѣ или, если

бы и неподвергся, долженъ будетъ имѣть это состояніе плодомъ досточуднаго предъизбранія, а не въ качествѣ неотъемлемой природной основы, какъ Богъ.

Итакъ, что же, любезнѣйшіе? Сынъ сталъ для насъ уже не Богъ? И если Онъ, по вашему, долженъ оказываться таковымъ, то зачѣмъ поклоняемся Ему? Почему же сопрославляется съ Богомъ и Отцемъ? Какимъ образомъ и надъ вышними силами возсѣдаетъ какъ Богъ? Слѣдовательно и сами святые серафимы не знаютъ вмѣстѣ съ нами, что они уклоняются отъ должнаго, славословя Того, Кто не есть Богъ по природѣ, но заблуждаются, какъ надо бы думать, называя Господомъ Саваоомъ равночестнаго имъ (Иса. 6, 3). Или развѣ не станемъ утверждать, что и вышнія силы, начальства и престолы и власти и господства, по возможности, достигаютъ сообразности Богу? Ибо если столь малое, по сравненію съ тѣми тварями, земное животное, разумію челоуѣка, удостоенъ такого отличія (быть образомъ Бога), то какое основаніе имѣетъ онъ гораздо превосходнѣйшія существа не считать и въ этомъ отношеніи гораздо выше насъ? Какъ же, поэтому, они называютъ Его Господомъ Саваоомъ и стоятъ окрестъ Его въ качествѣ копьеносцевъ, какъ слуги кругомъ Царя всяческихъ? Чего же ради и присѣдитъ Онъ Самому Отцу, и притомъ одесную Его, рабъ—Владыкѣ, Творцу—тварь? Неужели же неизмѣнность, приобретаемая внимательнымъ бдѣніемъ, должно скорѣе усвоить тварямъ, чѣмъ Богу по существу, природно обладающему безстрастностью? Но это все очевидно, хотя бы они и не говорили. Кто же, въ виду этого, уже можетъ выносить такихъ болтуновъ, или развѣ не должны они со всею справедливостію выслушать: „увы упивающіеся безъ вина!“ (Иезек. 28, 1).

Но быть может устыдятся нелѣпости такихъ разсужденій и прибѣгнуть къ другому утвержденію, а именно, что Сынъ отпечатлѣнъ Отцомъ въ подобіе *наиточнѣйшее*, такъ что Онъ обладаетъ неизмѣнною природою, хотя и не есть изъ (сущности) Отца.

Но какимъ образомъ, скажи мнѣ, то, что не изъ Бога по природѣ (не имѣетъ божественной природы), можетъ обладать свойствами Его и какъ можетъ оказаться существенно не безпричастнымъ преимуществамъ божественной сущности то, что не произошло изъ нея по истинному способу рожденія? Для всякаго, полагаю, ясно и безспорно, что свойства божества совершенно недоступны для созданной твари и природно присущее тому (божеству) отнюдь не можетъ быть у чего-либо другого изъ сущаго въ точно такомъ же и неизмѣнномъ видѣ. Какъ неизмѣнность присуща Богу по природѣ, такъ въ насъ ея отнюдь не можетъ быть, но дѣлаетъ насъ сообразными Ему въ этомъ посредствомъ внимательности и бдительности (нашей въ добрѣ) нѣкое постоянство, не допускающее насъ легко переходить къ тому, что не подобаетъ. Если же, по мнѣнію ихъ, вполне допустимо, что какое-либо изъ свойствъ божества можетъ быть присущимъ чему-либо, что не изъ него по существу, то что воспрепятствуетъ, скажи мнѣ, и всему вообще божественному находиться уже и въ тѣхъ существахъ, кои не суть боги по природѣ? Если совершенно безпрепятственно это допустило одно свойство, разумѣю неизмѣняемость, то и остальные откроютъ эту возможность. И что же отсюда? Все смѣшивается у насъ, ибо высшее развѣ не уступитъ низшему, а низшее не взойдетъ на высшее мѣсто? И какое будетъ препятствіе къ тому, чтобы уже и Вышній Богъ снисходилъ въ наше

положеніе, а мы съ своей стороны были богами и такими какъ Отець, при отсутствіи уже всякаго между нами и Богомъ различія, если присущія природно одному только Богу преимущества перейдутъ и будутъ существовать и въ насъ? И какъ скоро Богъ и Отець, по всей истинности, въ Одномъ только Себѣ Самомъ содержитъ то, чрезъ что мы должны быть сообразными Ему, то мы остаемся людьми и съ нами ангелы—тѣмъ, что они суть, не переходя въ Существо Превышнее. И если бы Богъ, какъ неимѣющій зависти, предалъ всѣмъ существамъ во власть Свое собственное свойство, то безъ сомнѣнія было бы много боговъ по природѣ, могущихъ создавать землю и небо и всю прочую тварь; ибо то, что уже разъ вмѣстило въ себѣ преимущества Творца по природѣ, какъ не будетъ такимъ же какъ Онъ (творецемъ)? или что воспрепятствуетъ являться въ точно такой же славѣ тому, что отличается равными Богу качествами? Но безъ сомнѣнія видитъ богоборецъ, какое накапливается у насъ отсюда множество нелѣпныхъ мыслей и самъ обвиняетъ присущее ему невѣжество: въ собственной природѣ должно пребывать Божество и тварь причаствуетъ Ему посредствомъ духовнаго свойства (подобія), но никоимъ образомъ не возвысится до присущаго Ему достоинства. Въ виду этихъ, нами представленныхъ, разсужденій мы должны находить неизмѣняемость существенно присущую Сыну. Слѣдовательно Онъ есть Богъ по природѣ и необходимо (рожденъ) уже отъ Отца, дабы что либо сущее не изъ Него (Божества) по природѣ не оказывалось достигающимъ равенства съ Нимъ въ божествѣ.

А какъ они выставляютъ намъ въ качествѣ неопровержимаго доказательства то соображеніе, что Сынъ есть другой отличный отъ Отца, какъ образъ въ от-

ношеніи къ первообразу, и на такомъ основаніи думаютъ отсѣчь Его отъ сущности Родившаго: то опять окажутся не мало безразсудствующими и совершенно ничѣмъ не могущими подтвердить того, чтобы и въ дѣйствительности было такъ, какъ это хорошо слагается у нихъ въ умѣ. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ они стараются объ этомъ всеу и почему на основаніи одного только отличія по личному бытію они отсѣкаютъ Сына отъ Отца? Вѣдь личное Его существованіе отнюдь конечно не являетъ Его чуждымъ сущности Родившаго. Поэтому безспорно Онъ—изъ Отца, какъ изъ сущности Его, но съ другой стороны Онъ—и въ Отцѣ по причинѣ существованія въ Немъ по природѣ. Вотъ и отъ Него Самого можешь слышать—то: „Я отъ Отца изшелъ и иду“ (Іоан. 8, 42), то опять: „Я въ Отцѣ и Отецъ во Мнѣ“ (Іоан. 14, 10). Вѣдь отдѣляется Онъ не въ совершенно и всецѣло отдѣленную особность, такъ какъ Святая Троица мыслится какъ единое Божество, но будучи въ Отцѣ, какъ Нераздѣльный отъ Него и Единосущный Ему, Онъ долженъ быть мыслимъ изъ Него (сущимъ) по неизреченно совершающемуся происхожденію, состоящему какъ бы въ отблескѣ, ибо Онъ есть Свѣтъ изъ Свѣта. Итакъ, Онъ—въ Отцѣ и изъ Отца нераздѣльно и вмѣстѣ отдѣльно, какъ начертаніе существуя въ Немъ, а какъ образъ по отношенію къ первообразу будучи мыслимъ существующимъ особо (лично).

Не простое только словесное разсужденіе мы можемъ дать объ этомъ, но подтвердимъ подзаконнымъ примѣромъ, отовсюду защищая силу истины противъ иномыслящихъ. Такъ законъ повелѣвалъ Израильтянамъ приносить выкупъ каждому за свою голову „половину дидрахмы“ (Исх. 30, 13), а въ одномъ статирѣ была дидрахма (монета въ двѣ драхмы).

И въ этомъ также намъ прикровенно указанъ Самъ Христосъ, за всѣхъ какъ бы ото всѣхъ въ выкупъ принесшій Себя Богу и Отцу и представляемый какъ бы въ одной драхмѣ, впрочемъ нераздѣльно отъ другой, такъ какъ, по выше уже сказанному нами, въ одной монетѣ заключались двѣ драхмы. Такъ можно представлять и Сына по отношеніи къ Отцу и Отца опять въ отношеніи къ Сыну, обоихъ—въ одной природѣ, Каждого въ частности—отдѣльно, какъ существующаго въ особомъ лицѣ, однакожь не совершенно отсѣчено и не Одного безъ Другаго. И какъ въ одной монетѣ были двѣ драхмы, имѣвшія совершенно равную одна съ другой количественную мѣру, и одна нисколько не менѣе другой, такъ разумѣй полное тожество сущности Сына съ Богомъ и Отцемъ, или обратно также Стца съ Сыномъ,—и въ такомъ случаѣ получишь наконецъ здоровое ученіе объ всемъ, что говорится о Немъ.

VI. 28—29. Рѣша же Ему: что сотворимъ, да дѣлаемъ дѣло Божіе? Отвѣща Іисусъ и рече имъ ¹⁾.

Не изъ добраго расположенія этотъ вопросъ и не изъ любознательности, какъ пожалуй вообразить кто, происходитъ у нихъ это обращеніе, а скорѣе—слова эти явились отъ весьма большой гордыни. Какъ бы уже не удостоивая ничего знать кромѣ того, что знали, они говорятъ какъ бы нѣчто такое: довольно, добрѣйшій, съ насъ Моисеевыхъ законовъ,—знаемъ мы не менѣе, чѣмъ надо, къ чему подобаеъ стремиться знатоку божественныхъ дѣлъ, — что же новаго прибавишь самъ ты къ установленному въ то время? чему научишь насъ другому, что не преду-

¹⁾ Слав. и автор. греч: *къ Нему* (по Добр: *Ему*)—*дѣла Божіи*. — *дѣла* и далѣе въ толкованіи, но къ 30—31 ст: *дѣла Божіи*.

казано намъ въ Словѣ Божіемъ? Итакъ, вопросъ былъ слѣдствіемъ скорѣе ихъ тупоумія, чѣмъ дѣйствительнаго влеченія къ знанію. Нѣчто подобное имѣешь и у блаженнаго Матѳея. Юноша одинъ, окруженный не легко достающимся изобиліемъ имѣній, давалъ какъ бы намекъ на то, что онъ обращается наконецъ къ служенію Богу. Когда онъ пришелъ къ Іисусу, старательно сталъ вопрошать о томъ, что надо ему дѣлать, чтобы оказаться и наслѣдникомъ вѣчной жизни. Господь говоритъ къ нему: „Заповѣди вѣдь знаешь конечно: не убивай, не прелюбодѣйствуй, не лжесвидѣтельствуй“ и прочее. Но онъ, уже какъ не нуждающійся ни въ чемъ этомъ или даже какъ не принимающій такого наученія, которое гораздо ниже присущей ему опытности, говоритъ: „это все съ юности моей я соблюлъ, чего же еще недостаетъ мнѣ?“ (Матѳ. 19, 16 сл. ср. Лук. 18, 18—20). Итакъ, какъ тотъ, съ невѣжествомъ сочетавъ надменность, говоритъ: „чего еще недостаетъ мнѣ“, такъ они по великой гордости своей и высокому о себѣ мнѣнію говорятъ: „что намъ творить, чтобы дѣлать дѣло Божіе?“

Поэтому хорошо смиренномудріе и дѣломъ благородной души является предоставленіе учителямъ знать болѣе полезное и питать такими ученіями, кои они считаютъ прекрасными,—учителямъ, какъ имѣющимъ больше свѣдѣній. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могли бы они явиться въ качествѣ учителей, конечно не приобрѣтши себѣ познаній болѣе, чѣмъ сколько ихъ имѣеть умъ воспитателей, когда и самый болѣе успѣхъ едва въ состояніи довести ихъ до уровня тѣхъ (воспитателей), по сказанному Спасителемъ: „не бываетъ ученикъ выше учителя“ и „достаточно ученику, чтобы былъ какъ учитель его“ (Матѳ. 10, 24. 25).

VI. 29. *Се есть дѣло Божіе, да вѣруете въ Того, Егоже посла Онъ.*

Поразительно опять, хотя и тайно еще и прикровенно, обличаетъ Господь неразуміе вопрошающихъ. Если обращать вниманіе на одни только простые слова рѣчи Господа, то можно подумать, что Онъ ничего другаго не повелѣваетъ имъ, кромѣ только того, что надо вѣровать Ему. Но, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи смысла этихъ словъ, можно усмотрѣть въ нихъ указаніе и на нѣчто другое. Весьма хорошо дѣлая, Онъ повелѣ объ этомъ рѣчь, соответствовавшую неразумію вопрошавшихъ. Вѣдь они, какъ достаточно научающіеся чрезъ законъ дѣлать угодное Богу, нечестиво отвергаютъ ученіе Спасителя нашего, говоря: „что намъ творить, чтобы дѣлать дѣло Божіе?“ Но надлежало показать имъ, что они еще весьма далеки отъ благоугоднаго Богу служенія, и совсѣмъ не знаютъ ни одного изъ истинныхъ благъ тѣ, кои, предаваясь законной буквѣ, имѣютъ умъ, полный простыхъ только образовъ и внѣшнихъ указаній. Поэтому-то съ нѣкоторою особенною выразительностію говорить, противопоставляя служенію по закону плодъ отъ вѣры: „се есть дѣло Божіе, да вѣруете въ Того, Кого послалъ Онъ“. Это есть, говорить, не то, что вы полагаете, смотря на одни только образы, но узнайте, хотя бы и не желали узнать, что Законодатель нѣкогда не почтилъ вашихъ жертвъ воловъ, не подобаетъ тебѣ и закалать овецъ, какъ будто бы этого требуетъ отъ тебя и желаетъ Богъ. Что значитъ ѳиміамъ, хотя бы онъ и распространялся въ воздухѣ благовонными парами, — какую пользу доставить, говорить, козель и принесеніе рѣдкостной корицы (Иерем. 6, 20)? Не

ѣсть Богъ мясо быковъ и крови козловъ не пьеть,— знаетъ „всѣхъ птицъ небесныхъ, и красота полевая“ съ Нимъ (Псал. 49, 13. 11),—возненавидѣлъ и отвергъ праздники ваши и не обоняетъ (жертвъ) въ торжествахъ вашихъ, какъ Самъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ (Амос. 5, 21),—но и не говорилъ „къ отцамъ вашимъ о всесожженіяхъ и жертвахъ“ (Іерем. 7, 22). Итакъ, не это *есть дѣло Божіе*, но, напротивъ, то, *чтобы вы въгровали въ Того, Кого послалъ Онъ Самъ*. И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь спасеніе чрезъ вѣру, дѣйствительно выше подзаконнаго и прообразнаго богослуженія и оправдывающая благодать—осуждающей заповѣди.

Итакъ, дѣло для боголюбивой души есть вѣра именно во Христа, и стремленіе умудряться словами Его гораздо важнѣе, чѣмъ предаваться прообразамъ и тѣнямъ.

А кромѣ того подивись еще и вотъ чему. Имѣя въ обычаѣ не обращать никакого вниманія на вопрошавшихъ Его ради искушенія, въ настоящемъ случаѣ однакоже даетъ этотъ отвѣтъ съ благопромыслительною цѣлью, хотя и зналъ опять, что они не получаютъ пользы, но въ осужденіе имъ, какъ въ другомъ случаѣ говорить: „если бы Я не пришелъ и не говорилъ имъ, грѣха бы не имѣли, теперь же извиненія не имѣютъ во грѣхѣ своемъ“ (Іоан. 15, 22).

VI. 30—31. *Рѣша же Ему: кое убо твориши Ты знаменіе, да видимъ и въруемъ Тебѣ? Что дѣлаешь? Отцы наши ядоша манну въ пустыни, якоже есть писано: хлѣбъ съ небесе даде имъ ясти* ¹⁾.

Мало по малу обнаруживается настроеніе Іудеевъ, хотя и нѣсколько темновато и еще подъ покровомъ

¹⁾ Ал: что убо твориши ты, какъ и авт. греч. вм. древне-сл. и теп: ты твориши какъ нѣк. ядоша манну въ п. какъ нѣк. вм. больш: м. я. въ п. Св. Ал: въруемъ вм. древне-сл. и теп. въру илемъ.

неясныхъ разсужденій. Вѣдь они говорили по недо-
 мыслию: „*что намъ творить, чтобы дѣлать дѣла Божиіа*“,
 такъ какъ, по сказанному уже нами выше, считали
 Моисеевъ законъ достаточнымъ для того, чтобы они
 могли направляться ко всякой премудрости, посред-
 ствомъ коей умѣли бы совершать благоугодное Богу.
 Но таковая цѣль, хотя и была у нихъ, оставалась
 нѣсколько неясною, а теперь обнаруживается и по
 немногу выходитъ на свѣтъ, *ибо нѣтъ скрытнаго*, по
 слову Спасителя, *что не обнаружится* (Лук. 8, 17).
 Итакъ что же, говорятъ,—*какое творишь Ты знаменіе?*
 Удостоенъ чести, говорятъ, и вполнѣ справедливо,
 блаженный Моисей, принять для посредничества меж-
 ду Богомъ и людьми, да и дѣйствительно доста-
 точное далъ онъ *знаменіе*—*ѣли въ пустынь манну* всѣ
 бывшіе съ нимъ. Ты же наконецъ, какъ скоро ста-
 вишь Себя предъ нами на высшее сравнительно съ
 тѣмъ мѣсто и не отказываешься къ нѣкогда зако-
 ненному прибавлять свои установленія, какими зна-
 меніями удостовѣришь насъ или съ тѣмъ достой-
 нымъ удивленія выступаешь предъ нами вводителемъ
 новѣйшихъ ученій? Благодаря этимъ словамъ
 истиннымъ является и само слово (о нихъ) Спаси-
 теля нашего, ибо изъ того, что говорятъ, они и изо-
 бличаются въ томъ, что считали нужнымъ искать
 Его не для того, чтобы удивляться Ему за Его боже-
 ственныя дѣянія, но поелику ѣли отъ хлѣбовъ и
 насытились (6, 26). И дѣйствительно, не просто вся-
 каго знаменія требуютъ они отъ Него, но того, какое,
 какъ думали, сотворилъ Моисей, не на одинъ день, но
 во всѣ сорокъ лѣтъ питавъ народъ (вышедшій) изъ
 Египта въ пустынь посредствомъ подаванія манны.
 Совершенно не зная, какъ оказывается, ни одной изъ
 тайнъ (заключающихся) въ божественномъ писаніи,

они не размышляли о томъ, что это чудотвореніе должно усвоить божественной силѣ Сотворившаго это, но весьма неразумно вѣнчаютъ за это главу Моисея. Итакъ, требуютъ равнаго съ тѣмъ знаменія отъ Христа, не удостоивая совсѣмъ никакого удивленія явленное имъ на (одинъ только) день знаменіе, хотя бы оно даже и оказывалось великимъ, но требуютъ и на долгое время распространить поданіе пищи, ибо въ такомъ случаѣ, да и то съ трудомъ, можно бы только заставить ихъ склониться и согласиться наконецъ съ тѣмъ, что сила Спасителя достойна удивленія и потому ученіе Его должно быть принято. Такимъ образомъ очевидно, хотя они и не очень ясно говорятъ, что они совсѣмъ не придаютъ значенія знаменіямъ, а подъ предлогомъ желанія удивляться предъ ними стремятся служить нечистому удовольствію чрева.

ГЛАВА VI.

О мнѣннѣ,—что она образомъ была пришествія Христа и духовныхъ даровъ (сообщенныхъ) чрезъ Него.

VI. 32. Рече убо имъ Исусъ: аминь аминь глаголю вамъ: не Моисей даде вамъ хлѣбъ съ небесе.

И теперь Спаситель сильно изобличаетъ неразумныхъ и совершенно ничего не свѣдущихъ въ писаніяхъ Моисеевыхъ. Вѣдь имъ конечно надлежало бы хорошо знать, что Моисей служилъ посредникомъ въ передачѣ божественныхъ велѣній народу и обратно—желаній Израиля Богу, но не былъ самоличнымъ совершителемъ ни одного изъ чудесъ, а только слу-

гою и исполнителемъ того, что на пользу вызванныхъ изъ рабства желалъ совершать Податель имъ всяческихъ благъ. Такимъ образомъ что было у нихъ въ нечестивыхъ мысляхъ, это пресѣкаетъ теперь Христосъ весьма рѣшительно. Въ самомъ дѣлѣ, свойственное и подобающее одной только божественной природѣ усвоить не ей, а чести людей, развѣ это не верхъ уже безумія и вмѣстѣ нечестія? Отстранивъ потомъ священноначальника Моисея отъ совершенія чудесъ и изъявъ изъ руки его сверхъестественное, Онъ очевидно уже поэтому Себѣ Самому вмѣстѣ съ Отцемъ усволяетъ эту честь, хотя и отказывается говорить яснѣе, по причинѣ невѣжества слушателей. Вѣдь легко могло случиться, что, считая таковыя слова за оскорбленіе Моисея, они снова разсвирѣпѣли бы и воспламенились неудержимымъ гнѣвомъ, нисколько не изслѣдуя истинное свойство предмета и не признавая достоинства Говорившаго, но безразсудно увлекаясь однимъ только почитаніемъ Моисея, и конечно неосновательно, когда онъ приравнивался даже къ высшему нѣчто (возводился въ высшее существо).

Да научаемся же отсюда, точно и основательно, оказывать благоговѣніе къ святымъ отцамъ нашимъ и воздавать, по написанному, „кому страхъ—страхъ, кому честь—честь“ (Римл. 13, 7). Не совершимъ никакой неправды, если будемъ усвоить каждому подобающее ему, такъ какъ „и духи пророковъ пророкамъ подчиняются“ (1 Кор. 14, 32). А когда рѣчь касается Спасителя нашего Христа, тогда и говорить намъ необходимо: „потому что кто въ облакахъ сравнится съ Господомъ, или кто уподобится Господу между сынами Божіими?“, (Псал. 88, 7).

VI. 32—33. *Но Отецъ Мой даетъ вамъ хлѣбъ съ небесе истинный: хлѣбъ бо Божій есть сходяй съ небесе и жизнь даяй міру* ¹⁾.

Надлежало не только отстранить Моисея отъ божественной власти, каковую приписывали ему Іудеи, и представить его служителемъ при томъ чудотвореніи, а не подателемъ (манны), но и само, хотя и совершившееся сверхъестественнымъ образомъ, чудо уже умалить и сравненіемъ съ большимъ показать совершеннѣйшее его ничтожество. Поэтому представляя опять Христа восклицающимъ нѣчто такое:

Великое считаете вы малымъ и незначительнымъ и щедродаяніе Влѣдыки всего ограничили вы весьма небольшими размѣрами. Не малое обнаруживаете невѣжество, если манну считаете *хлѣбомъ съ неба*, хотя она въ пустынѣ питала одинъ только народъ Іудейскій, между тѣмъ какъ существуютъ по всей вселенной безчисленные другіе народы. И вотъ столь ограниченное благодѣяніе, по вашему мнѣнію, Богъ желаетъ проявить, что подаетъ питаніе одному только народу. Но то были образы болѣе общихъ предметовъ и частное проявленіе всеобщаго благодѣянія въ качествѣ какъ бы предварительнаго залога. Но когда предстало намъ время пришествія истины, тогда *Отецъ Мой даетъ вамъ хлѣбъ съ неба*, который посредствомъ дарованія манны былъ предначертанъ древнимъ какъ бы въ тѣняхъ. Поэтому никто да не думаетъ, говоритъ, что то былъ истинный хлѣбъ съ неба, но пусть признаетъ таковымъ Того, Кому является присущею сила питать всю вселенную и доставлять *міру совершенную жизнь*.

¹⁾ *Жизнь даяй* Св. Ал. соотв. ἄδρ. и σιρ. кур. снн. вм. Слав: *даяй животъ* Адр. и сир. шг и hr.

Такимъ образомъ обвиняетъ Іудея за приверженность къ тому, что было въ образѣ, и за отказъ искать красоту самой истины. Вѣдь ея (красотою истины) не была собственно манна, но Само Единородное Слово Божіе, исходящее изъ сущности Отца, какъ скоро Оно есть жизнь по природѣ, все животворящая. Поелику рожденъ отъ Живаго Отца, то и Самъ есть жизнь по природѣ и, какъ скоро животворить есть дѣло свойственное жизни по природѣ, то Христось животворить все. Чѣмъ оказывается для насъ хлѣбъ земной, не позволяющій разрушаться слабой природѣ плоти, тѣмъ служить и Онъ, посредствомъ дѣйствія Святаго Духа животворя духъ нашъ,—и не это только, но и само тѣло сохраняя къ нетлѣнію.

Но если разъ уже наши разсужденія дошли до рѣчи о маннѣ, то ничего, кажется, вреднаго не будетъ въ томъ, чтобы сказать что-либо кратко и о ней, изъ самихъ Моисеевыхъ книгъ взявъ для подробнаго разсмотрѣнія написанное о ней. Сдѣлавъ такимъ образомъ тщательнѣйшее изложеніе предмета, мы правильно разсмотримъ все, что надо разумѣть о ней. Посредствомъ всего этого мы покажемъ, что манна истинная есть Самъ Христось, какъ въ прообразѣ, въ маннѣ разумѣвшійся подаваемымъ древнимъ отъ Бога и Отца. Начинается откровеніе о ней такъ: „въ пятнадцатый день, въ мѣсяцѣ второмъ, когда вышли они изъ земли Египта. возропталъ весь сонмъ сыновъ Израилевыхъ на Моисея и Аарона, и сказали къ нимъ сыны Израилевы: лучше было бы намъ умереть пораженнымъ отъ Господа въ землѣ Египетской, когда мы сидѣли при котлахъ мясъ и ѣли хлѣбы до насыщенія, чѣмъ что вы вывели насъ въ пустыню эту умертвить весь сонмъ этотъ голодомъ“ (Исх. 16, 1—3). Историческій смыслъ ясенъ и вполне оче-

видень, такъ что, думаю, не требуется никакого изслѣдованія для такого простаго предмета. Будемъ же говорить опять, имѣя въ виду одну только духовную сторону.

Итакъ, находясь еще въ странѣ Египетской, Израильтяне по божественному повелѣнiю прообразно совершали праздникъ Христовъ и, вкусивъ овна, едва такимъ образомъ избѣжали жестоковластнаго угнетенiя Фараонова и стряхнули тяжкое ярмо рабства. Потомъ, кромѣ того, чудесно перейдя Красное Море, оказались въ пустынѣ. И вотъ въ ней, подвергшись голоду, они пожелали ѣсть мяса и увлеклись обычнымъ пожеланiемъ хлѣба. Такъ ропщутъ они на Моисея и раскаяваются въ дарѣ Божiемъ, когда надлежало всячески благодарить за это. Поэтому Египетъ означаетъ *пстемненiе* и подъ нимъ должно разумѣть то, что мы, какъ бы приписавшись на жительство къ странѣ какой—къ состоянiю настоящаго вѣка и къ мiрскому положенiю, претерпѣваемъ въ этомъ состоянiи жестокое рабство, нисколько вообще не работая Богу, а совершая угодное одному, только дiаволу,—повергаясь въ удовольствiя нечистой плоти, какъ бы въ грязь или зловонное болото,—перенося безвозмездный и бесполезный трудъ и служба, такъ сказать, не безгоремычному сластолюбію ¹⁾.

Но когда законъ Божiй заговорить въ нашемъ умѣ и мы уже станемъ усматривать жестокое рабство въ этомъ, вотъ тогда-то, возжелавъ удаленiя отъ вся-

¹⁾ Въ такомъ значенiи Египетъ толкуется у всѣхъ древнихъ, начиная съ *Иудей Филона* Leg. alleg. 2. 19. ed. Cohn contin. Wendland, § 77, 1. 105; *Migr. Abr.* 14, *Wendl.* § 77. II. 283. *Наиссеченiя* у *Иппол.* Philosoph. V. 7. *Климентъ А.* Strom. ed. Potteri. II. 350. *Оригенъ* In Genes. Hom. XV. 3. 9,—XVI. 2. 6 др. *Давросiй Мед.* De Abrahamo 2, 10. *Иеронимъ* Ad Jovin. 1. I ср. Lib. interpr. hebr. nom. ed. Lagarde, 2. 29.—66, 28—29 др. ср. *Оном.* Vat. ib. 174. 3.—151. 62 и др. по indexу

каго зла, приходимъ, какъ бы къ началу и двери свободы, къ Самому Христу и потомъ, напутствуемые посредствомъ Честной Крови безопасностію и благодарію, оставляемъ плотскія искушенія въ этой жизни, какъ бы какое море бурное и волнующееся и, ставъ въ всякаго смятенія мірскаго, приходимъ уже къ духовному и чистѣйшему состоянію, поселяясь какъ бы въ пустынной странѣ. А какъ не долженъ оставаться безъ подвиговъ добродѣтели тотъ, кто воспитывается къ ней посредствомъ закона, то, когда мы уже окажемся достигшими этого состоянія, тогда, подпадая испытанію искушеній, угрызаемся иногда воспоминаніемъ о плотскихъ похотяхъ, а потомъ, при сильнѣйшемъ разжиганіи насъ похотію, по безопасности часто обвиняемъ божественный законъ, хотя и призывающій насъ къ свободѣ,—и, какъ бы ощутивъ голодъ прежнихъ и обычныхъ намъ удовольствій и вознерадѣвъ о трудахъ по воздержанію, уже не смотримъ на рабство въ мірѣ какъ на зло. Да, похоть плоти дѣйствительно бываетъ въ состояніи увлечь духъ ко всякому малодушію въ добрѣ.

„Сказалъ же Господь къ Моисею: вотъ Я одожду вамъ хлѣбы съ неба“ (Исх. 16, 4). Весьма ясное указаніе на эти слова можешь видѣть также въ изреченіи Псалма: „хлѣбъ небесный далъ имъ, хлѣбъ ангельскій ѣлъ человѣкъ“ (Псал. 76, 24—25). Но для всѣхъ, думаю, очевидно, что подъ хлѣбомъ и пищею небесныхъ силъ разумныхъ долженъ разумѣться не другой кто кромѣ Единороднаго отъ Бога Отца. Слѣдовательно Онъ есть истинная манна, хлѣбъ небесный, подаваемый отъ Бога Отца всякой твари разумной.

Кромѣ того, относительно разсматриваемыхъ предметовъ, скажемъ еще вотъ что. Обрати вниманіе на то,

какъ божественная и вышняя благодать привлекаетъ къ себѣ и разными способами спасаетъ страждущую исконнымъ недугомъ природу человѣка. Помысль плоти, западая въ душу, на подобіе камня сталкиваетъ ее и насильственно влечетъ къ собственному вождѣленію, но Христось снова направляетъ насъ, какъ бы какою уздою, къ пожеланію лучшаго и недугующихъ возводитъ въ боголюбивое состояніе. Такъ вотъ уклоняющимся въ тѣлесныя удовольствія Онъ обѣщается подавать пищу съ небесъ, очевидно утѣшеніе чрезъ Духа, манну духовную. Посредствомъ нея мы укрѣпляемся во всякомъ терпѣніи и мужествѣ и пріобрѣтаемъ силу не падать по немощи въ неподобающее. Такъ укрѣпляла насъ въ благочестіи и нѣкогда манна духовная, тоестъ Христось.

Но если уже разъ мы по нуждѣ сдѣлали это отступленіе въ разсужденіи, то считаю неудобнымъ оставить это безъ изслѣдованія, какъ скоро это можетъ принести большую пользу.

Итакъ, можетъ основательно спросить кто, чего ради столь человѣколюбивый и добролюбивый Богъ, вмѣсто предупрежденія прошенія, медлитъ обѣщаніемъ и не наказуетъ съ самаго начала столь развращенныхъ по своему настроенію, хотя подвергъ наказанію потомъ, когда, страдая подобною же похотью, стали мечтать о хлѣбахъ для насыщенія и котлахъ съ мясомъ и сильно желать зловоннаго лука; ибо въ Числахъ мы найдемъ, что нѣкоторые подверглись и наказанію и *гробами похоти* названа та мѣстность, въ которой они стояли тогда лагеремъ, „ибо тамъ, сказано, погребли народъ похотливый“ (Числ. 11, 34)?

Въ отвѣтъ на первое скажемъ, что пожеланія подобало дожидаться безъ сомнѣнія для того, чтобы такимъ образомъ потомъ уже благовременно ока-

заться подателемъ (желаемаго). Вѣдь даynie для благодѣтельствуемыхъ бываетъ особенно пріятно тогда, когда его предваряютъ и предшествуютъ ему какія либо удовольствія, заставляющія желать еще не имѣющагося блага. Человѣческая душа не испытывала бы пріятнѣйшаго ощущенія, если бы напередъ не напрягалась и не возбуждалась удовольствіями благополучія. Но, быть можетъ скажешь, совсѣмъ никакого прошенія не было со стороны ихъ, а напротивъ — ропоть, раскаяніе и обвиненіе, — что дѣйствительно и было вѣрнѣе сказать. Отвѣтимъ на это, что людямъ совершеннымъ по нравственному состоянію конечно подобаешь прошеніе чрезъ молитву, но равнозначащимъ ему будетъ отчасти ропоть людей слабѣйшихъ вслѣдствіе ли нерадѣнія или почему бы то ни было. Спаситель же всѣхъ, будучи человѣколюбивъ, конечно не прогнѣвается. Какъ плачь у совсѣмъ еще юныхъ младенцевъ иногда служитъ средствомъ къ прошенію полезнаго для нихъ и чрезъ него мать часто вызывается на дознаніе пріятнаго ребенку, такъ и у еще младенчествующихъ и не возросшихъ умомъ плачь, такъ сказать, по нерадѣнію имѣеть значеніе прошенія къ Богу. А наказуетъ не въ началѣ, хотя и видитъ ихъ въ подчиненіи у земныхъ похотей, но уже въ срединѣ времени, какъ мнѣ кажется, по слѣдующей причинѣ. Недавно вышедшіе изъ Египта, еще не получивъ манны и не имѣя небеснаго хлѣба, укрѣпляющаго тѣло человѣка (Псал. 103, 15), естественно впадаютъ въ плотскія похоти, почему и пользуются снисхожденіемъ. А насладившіеся уже Господомъ, какъ написано (Псал. 36, 4), если духовнымъ благамъ предпочли плотскія, уже подвергаются справедливѣйшему наказанію и этимъ наказаніемъ еще оставляютъ въ наслѣдіе знаменитый памятникъ бѣдствія, ибо

„*гробы* (надгробные памятники) *похоти*“ дано имя мѣсту наказанія (Числ. 11, 34).

„И выйдетъ народъ и собереть дневное на день“ (Исх. 16, 4). Чувственную манну мы должны принимать въ прообразъ манны духовной. Духовная же манна означаетъ намъ Самого Христа, а чувственная прикровенно указываетъ на грубое воспитаніе закона. Не безъ основанія Законодатель повелѣваетъ собирать ее только на день и воспрещаетъ хранить на завтра, какъ бы въ загадкѣ указуя древнимъ на то, что съ возсіяніемъ уже времени спасенія, когда явился со плотію въ міръ Единородный, должны совсѣмъ упраздниться подзаконные прообразы и тщетно уже собирать пищу оттуда, когда уже сама истина предлежитъ намъ въ пищу и вкушеніе.

„И будетъ въ день шестой и приготовятъ то, что внесутъ, — и будетъ двойнымъ то, что соберутъ“ (ст. 5). Замѣть опять и уразумѣй, что не дозволяетъ собирать въ день седьмой манну чувственную, а уже добытую и собранную въ предшествующій день повелѣваетъ употреблять въ пищу. Седьмой день означаетъ время пришествія Спасителя нашего, въ которое мы субботствуемъ (празднуемъ) въ святости, прекративъ грѣховныя дѣла, принимая въ пищу и удостовѣреніе вѣры и собранное уже у насъ посредствомъ закона знаніе, впрочемъ уже не подвергаясь какъ бы необходимости собирать его, когда уже предлежитъ превосходнѣйшая пища, и имѣя хлѣбъ небесный. Въ двойной мѣрѣ собирается манна предъ седьмымъ днемъ. И отсюда опять уразумѣвай, что съ заключеніемъ закона къ концу времени и съ началомъ уже святой седмицы, тоестъ съ пришествіемъ Христа, въ двойной нѣкоторымъ образомъ мѣрѣ должно быть обрѣтеніе небесныхъ благъ и двойная нѣкая благодать,

къ полезному отъ закона вводящая и евангельское наставленіе. Этому научаетъ и Самъ Господь, когда говоритъ нѣгдѣ какъ бы въ видѣ притчи: „посему всякій книжникъ, наученный царству небесному, подобенъ человѣку богатому, который выносить изъ сокровищницы своей новое и ветхое“ (Матѣ, 13, 52). Ветхое—это что отъ Закона, а новое—что чрезъ Христа.

„И сказалъ Моисей и Ааронъ ко всему сонму сыновъ Израилевыхъ: вечеромъ узнаете, что Господь вывелъ васъ изъ Египта, утромъ увидите славу Господа въ дарованіи Господомъ вамъ вечеромъ мяса ѣсть и хлѣбовъ утромъ въ насыщеніе“ (Исх. 16, 6. 7. 8). Возвѣщаетъ Моисей сынамъ Израилевымъ, что къ вечеру имъ будутъ даны отъ Бога перепела, и утверждаетъ, что чрезъ это познаютъ ясно, что Господь вывелъ ихъ изъ Египта. Утромъ же ясно, говорить, увидите славу Господа въ полученіи хлѣбовъ до сытости. Обрати опять вниманіе на различіе въ слововыраженіи о каждомъ предметѣ. Перепелъ можетъ указывать на законъ; ибо дѣйствительно онъ летаетъ всегда низко и около земли. Такими видишь и воспитываемыхъ посредствомъ закона въ низменномъ и прообразовательномъ богослуженіи, если имѣть въ виду жертвы и окропленія и очищенія Іудейскія. Вѣдь не далеко возносятся они отъ земли и хотя кажутся возвышающимися надъ нею, но вращаются на ней и около нея, ибо не въ законѣ совершенство блага и высота разумнія. Посылаются, затѣмъ, вечеромъ: причемъ посредствомъ вечера дается намъ указаніе или опять на темноту буквы (закона), или же на несвѣтлое состояніе міра, еще не имѣвшаго истиннаго свѣта, тоестъ Христа, который, вочеловѣчившись, говоритъ: „Я свѣтъ въ міръ пришелъ“ (Іоан. 12, 46). Узнаютъ, говорится далѣе, сыны Израилевы.

что Господь ихъ вывелъ изъ Египта, ибо въ Моисеевыхъ писаніяхъ можно видѣть одно только познаніе всеобщаго чрезъ Христа спасенія, но въ нихъ еще не присутствуетъ самая благодать. На это самое и указывалъ, присовокупляя: „утромъ увидите славу Господа въ дарованіи вамъ хлѣбовъ въ насыщеніе“. Съ прекращеніемъ подзаконной слѣпоты, какъ бы ночи, и съ восходомъ всѣмъ намъ Духовнаго Солнца, мы, какъ въ зеркалѣ, созерцаемъ (2 Кор. 3, 18) славу уже пришедшаго Господа, собирая въ насыщеніе хлѣбъ небесный, тоестъ опять уже Самаго Христа.

„Насталъ вечеръ и налетѣли перепелы и покрыли станъ: а утромъ (было), по удаленіи росы вокругъ стана, и вотъ на поверхности пустыни (нѣчто) мелкое, какъ бы коріандръ, бѣлое“ (Исх. 16, 13—14). Обрати опять вниманіе на цѣль и смыслъ этого повѣствованія. О перепелахъ сказано, что *покрыли станъ*, а о *маннѣ*, что *утромъ сошла, по удаленіи росы, вокругъ стана на поверхность пустыни*. Вѣдь воспитаніе посредствомъ закона, тоестъ въ прообразахъ и тѣняхъ, которое мы сравнили съ видомъ перепеловъ, покрываетъ синагогу Іудейскую, ибо, какъ говоритъ Павелъ, „лежитъ покрывало на сердцѣ ихъ“ (2 Кор. 3, 15) и „ослѣпленіе отчасти“ (Римл. 11, 25). А когда появилось утро, тоестъ съ восходомъ уже и освѣщеніемъ всей вселенной Христомъ, когда и роса уже прекращается, тоестъ грубое и темное введеніе законныхъ постановленій, ибо Христосъ есть конецъ закона и пророковъ: тогда и должна снизойти къ намъ истинная манна съ неба, тоестъ евангельское, утверждаемъ, ученіе,—не на сонмъ Израильтянъ, но вокругъ стана, очевидно на всѣ народы,—и на поверхность пустыни, тоестъ Церкви изъ язычниковъ, о коей говорится въ одномъ мѣстѣ: „потомучто много дѣтей у покинутой

(пустынной), болѣе чѣмъ у имѣющей мужа“ (Иса. 54, 1). На всю вселенную распространяется благодать духовной манны, которая и съ *кориандромъ* сравнивается и называется *мелкою*. И дѣйствительно, сила божественнаго слова мелка (тонка) и охлаждаетъ разженье страстей, укрощая въ насъ пламень плотскихъ вождѣлений. И кориандровая трава, говорятъ, обладаетъ естественнымъ свойствомъ производить прохладительное дѣйствіе.

„Увидя же это сыны Израилевы сказали другъ къ другу: что есть это? ибо не знали, что (это) было“ (Исх. 16, 15). Незнакомые съ такимъ необычнымъ и чудеснымъ явленіемъ и не будучи въ состояніи ясно сказать по опыту, что бы это могло быть, они говорятъ другъ къ другу: что это? Это послѣднее изреченіе („что это?“) выраженное въ видѣ вопроса, и дѣлають наименованіемъ предмета и на Сирскомъ языкѣ называютъ „*Манна*“, тоестъ опять: „*что (есть) это?*“ И отсюда можешь уразумѣть, что Христось имѣлъ быть непризнаннымъ отъ Іудеевъ, ибо содержащееся въ прообразѣ опытъ показалъ совершившимся и въ самой дѣйствительности.

„Сказалъ же Моисей къ нимъ: никто да не оставитъ отъ нея до утра. И не послушали Моисея, но оставили отъ нея нѣкоторые до утра, — и наполнилась червями и засмердѣла, — и оскорбился на нихъ Моисей“ (Исх. 16, 19—20). Утро здѣсь опять указываетъ намъ на пресвѣтлое и преславное время пришествія Спасителя нашего, когда, съ прекращеніемъ какъ бы тѣни подзаконной и дѣвольскаго мрака въ язычникахъ, наподобіе свѣта возсіялъ намъ Единородный и показалось утро духовное. Поэтому блаженный Моисей и повелѣваетъ опять прообразовательную манну не оставлять до утра, ибо съ наступ-

плениемъ у насъ только что упомянутого времени уже излишни и совершенно не своевременны подзаконныя тѣни по причинѣ уже наставшей истины. А что съ возсіяніемъ Христа уже дѣйствительно оказывается дѣломъ бесполезнымъ праведность отъ закона, это показалъ Павелъ, говоря о ней: „ради Коего все потерпѣлъ Я“ тоестъ всѣ подзаконныя преимущества, „и почитаю за соръ, да Христа приобрѣту и окажусь въ Немъ не имѣющимъ моей праведности (сущей) въ законѣ, но (сущей) чрезъ вѣру (во) Иисуса Христа“ (Филип. 3, 8—9). Видишь отсюда, какъ премудро предостерегъ, чтобы не оставлять (манны) до утра. Сохранившіе до утра были прообразомъ имѣвшей не повиноваться Ему толпы Іудейской, для коей сильное желаніе соблюсти законъ буквы должно было послужить причиною гніенія и червей; ибо слышишь, какъ сильно оскорбляется на нихъ законодатель.

„И сказалъ Моисей къ Аарону: возьми сосудъ золотой одинъ и вложите въ него полный гоморъ (мѣру) Манны, и отложишь это предъ Богомъ на храненіе“ (Исх. 16, 33). Вполнѣ благовременно теперь и объ этомъ съ удивленіемъ говорить: „о, глубина богатства и премудрости и знанія Божія!“ (Римл. 11, 33). По истинѣ недоступна сокровенная въ богодухновенныхъ писаніяхъ премудрость, „и глубокую глубину, по написанному, кто обрѣтетъ ее?“ (Екклес. 7, 24). Видишь поэтому, какъ заканчивается у насъ послѣднее слово объ этомъ. Поелику истинною манною явился для насъ Самъ Христосъ, посредствомъ типа какъ въ образѣ указывавшійся древнимъ, то въ приведенныхъ словахъ, необходимо думать, научаетъ тому, какого рода и въ какомъ количествѣ наполняется добродѣтелью и славою собирающій въ себѣ са-

момъ манну духовную и во внутренности сердца своего вносящій Иисуса посредствомъ какъ правой вѣры въ Него такъ и всецѣлой любви. Вѣдь слышишь, какъ въ золотомъ сосудѣ полный гоморъ (мѣра) манны вложенъ рукою Аарона на храненіе предъ Богомъ. И дѣйствительно, праведная и истинно боголюбивая душа, свято храня въ себѣ слово о Христѣ и получивъ все небесное сокровище, будетъ драгоценнымъ сосудомъ какъ бы изъ золота и принесется посредствомъ Архіерея всѣхъ Богу и Отцу и вознесется на храненіе предъ взоръ все Содержащаго и спасающаго и Недопускающаго тлѣнному по своей природѣ подвергаться истлѣнію. Такъ описывается праведникъ, имѣющій какъ бы въ золотомъ сосудѣ духовную манну, тоестъ Христа, восходящій въ нетлѣніе, какъ бы въ призрѣніи Божиемъ, и остающійся на храненіе, очевидно въ вѣковѣчное житіе и жизнь безконечную.

Вотъ поэтому-то и справедливо обличаетъ Христось безмѣрно сумасбродствовавшихъ Іудеевъ, думавшихъ, что манна дарована была древнимъ отъ премудраго Моисея и на этомъ останавливавшихся въ пониманіи этого повѣствованія, но совершенно не уразумѣвавшихъ прообразовательнаго значенія его,—въ словахъ (обличаетъ Христось): „истинно говорю вамъ: не Моисей далъ вамъ“ манну. Вѣдь напротивъ, имъ надлежало имѣть въ виду и понимать, что Моисей внесъ въ это (чудо) одно только посредствующее служеніе свое. Даръ этотъ былъ не обрѣтеніемъ руки человеческой, но дѣломъ вышней благодати, въ чувственныхъ предметахъ описывающей¹ духовное и указующей намъ на хлѣбъ небесный, дающій жизнь всему міру, а не питающій, какъ бы по предрасположенію, одинъ только народъ Израильскій.

VI. 34. Рѣша убо къ Нему: Господи! всегда даждь намъ хлѣбъ сей. Рече же имъ Исусъ.

Въ этихъ словахъ ясно открывается, даже и при сильномъ желаніи скрыть, цѣль Іудеевъ. Съ непре- ложною истинностію каждый можетъ видѣть отсюда, что они стремились слѣдовать за Нимъ не потому, что были зрителями знаменій, но потому, что ѣли отъ хлѣбовъ и насытились (ст. 26). За это великое свое невѣжество они подвергаются справедливому осужденію, и къ нимъ, думаю, дѣйствительно можно говорить: „вотъ народъ глупый и безсердечный,— глаза у нихъ, и не видятъ,— уши у нихъ, и не слы- шать“ (Іерем. 5, 21). Между тѣмъ какъ Христосъ Спаситель нашъ посредствомъ многихъ, какъ это можно видѣть изъ евангелія, рѣчей отклонялъ ихъ отъ тѣлесныхъ помысловъ и чрезъ всемудрое ученіе воскрелялъ ихъ къ духовному созерцанію, они не возвышаются надъ плотскими потребностями и, слыша о хлѣбѣ, дающемъ жизнь міру, мечтаютъ еще о зем- номъ хлѣбѣ, богомъ имѣя чрево, по написанному (Филип. 3, 19), и будучи одержимы пороками чрева, чтобы справедливо услышать, что „слава въ срамѣ ихъ“ (тамъ же). Рѣчь эту найдешь весьма сходствующею съ словами Самарянской женщины. Спаситель нашъ Христосъ велъ длинную рѣчь къ ней и училъ о духовной водѣ, ясно говоря: „всякій пьющій отъ воды сей возжаждетъ опять, а кто будетъ пить отъ воды, коей Я дамъ ему, не возжаждетъ во вѣкъ, но вода, которую Я дамъ ему, будетъ въ немъ источ- никомъ воды, текущей въ жизнь вѣчную“ (4, 13—14). Но по присущему ей невѣжеству она увлекается въ другую сторону, оставляетъ духовный источникъ и, совершенно не подумавъ о немъ, устремляетъ мысль

къ подаянію чувственной влаги, говоря: „Господи, дай мнѣ эту воду, да не жажду, ни прихожу сюда черпать“ (4, 15). И рѣчь Іудеевъ сходна съ этими словами ея. Какъ она оказывается слабою по своей природѣ, точно такимъ же, думаю, образомъ и они ничего мужественнаго, такъ сказать, и юношескаго не имѣютъ въ помышленіи, но являются какъ бы женственными въ немужественныхъ похотяхъ чрева и доказываютъ истинность написаннаго о нихъ: „ибо глупецъ глупое будетъ говорить, и сердце его суетное помышляетъ“ (Иса. 32, 6).

VI. 35. Азъ есмь хлѣбъ жизни.

Обычно было Спасителю Христу, при изъясненіи божественныхъ и уже предвозвѣщенныхъ таинствъ, давать какъ бы загадочныя и не очень ясныя на нихъ указанія, ибо Онъ не допускалъ, чтобы столь святое ученіе предлагалось безъ прикровенности на попраніе всѣмъ вообще желающимъ, недостойнымъ и нечестивымъ. Но прикрывая какъ бы покровомъ загадокъ, Онъ дѣлаетъ его не недоступнымъ для разумныхъ. Когда Онъ видѣлъ какихъ либо слушателей невѣжественными и совсѣмъ ничего непонимающими изъ сообщаемаго, то ясно излагалъ то, на что хотѣлъ указать и, снявъ всю какъ бы темноту со слова, предлагалъ открыто и общепонятно знаніе тайны, чрезъ это дѣлая безоотвѣтнымъ для нихъ невѣріе. А что Ему было обычно, какъ мы сказали, пользоваться часто прикровенною и неясною рѣчью, этому научить и Самъ Онъ, говоря въ книгѣ Псалмовъ: „отверзу въ притчахъ уста Мои“ (Псал. 77, 2). Не менѣе удостовѣрить наше объясненіе этого и покажетъ его не безосновательнымъ и блаженный пророкъ Исаія, восклицающій: „Вотъ подлинно Царь Пра-

ведный воцарится и начальники съ судомъ будутъ начались, и будетъ человѣкомъ скрывающимъ слова Свои“ (Иса. 32, 1—2), ибо Царь Праведный, сказано, воцарился надъ нами, говорящій: „Я поставленъ царемъ отъ Него надъ Сиономъ, горою святою Его, возвѣщающая повелѣніе Господне“ (Псал. 2, 6—7). По суду, тоестъ по правдѣ, жительствующими начальниками называетъ и святыхъ учениковъ, кои приступали къ Спасителю Христу, часто прикровенно говорившему, съ такими словами: „скажи намъ притчу“ (Матѣ. 13, 15). И когда Онъ однажды услышалъ: „почему народу говоришь въ притчахъ“, то ясно указалъ причину этого, сказавъ: „потому что видя не видятъ и слыша не слышатъ, ни разумѣютъ“ (Матѣ. 13, 10. 13). Безъ сомнѣнія они не были достойны этого, когда правосудный Богъ опредѣлилъ имъ такой приговоръ. Посему Спаситель, употребивъ многочисленныя обороты рѣчи, когда видѣлъ, что слушатели все таки ничего не понимаютъ, уже яснѣе говорить: „*Я есмь хлѣбъ жизни*“. Едва не нападаетъ на ихъ безмѣрное неразуміе, говоря такъ: о, имѣющіе несравненное превосходство надъ всѣми по одному только невѣжеству! когда Богъ говоритъ, что будетъ подавать вамъ хлѣбы съ неба и такого обѣщанія удостоиваетъ васъ, вы ограничиваете божественную щедрость питаніемъ манною и не стыдитесь только до этого предѣла простирать вышнюю благодать, не зная, что мало и для васъ получить таковое отъ Бога и—Самому Богу даровать (мало этого). Поэтому не вѣрьте, говорить, что то былъ хлѣбъ небесный, ибо *Я есмь хлѣбъ жизни*, нѣкогда вамъ какъ бы въ обѣщаніи предвозвѣщенный и какъ въ образѣ указываемый, а теперь пришедшій, во исполненіе даннаго вамъ обѣщанія. А *есмя Я хлѣбъ жизни*, не хлѣбъ тѣлесный,

прекращающій только страданія голода и предохраняющій плоть отъ происходящаго отъ него (голода) разрушенія, но всецѣло все живое существо (человѣческое) преобразующій въ жизнь вѣчную и созданнаго для всегдашняго бытія человѣка являющій выше смерти. Прикровенно указываетъ этимъ на жизнь и благодать чрезъ Святую Плоть, посредствомъ коей проникаетъ въ насъ свойство Единороднаго, тоестъ жизнь.

Надлежитъ знать,—ибо должнымъ почитаю старательно уловлять все служащее на пользу, — что во все сороколѣтнее число лѣтъ Израильтянамъ подавалась прообразовательная манна отъ Бога, пока еще былъ съ ними Моисей. Когда же онъ достигъ до общаго конца жизни, а вождемъ и руководителемъ Іудейскихъ полчищъ былъ уже поставленъ Іисусъ, то онъ провелъ ихъ чрезъ Іорданъ, какъ написано (Ис. Нав. 3, 1 дал.), обрѣзавъ каменными ножами и введши въ обѣтованную землю, гдѣ наконецъ предоставилъ имъ возможность питаться хлѣбомъ, когда всемудрый Богъ уже остановилъ подаваніе манны. Итакъ,—вѣдь образъ уже долженъ быть обращенъ въ истину, — когда удаленъ былъ Моисей, когда тоестъ прекратились прообразы подзаконнаго служенія и къ намъ явился Христосъ истинный Іисусъ, ибо Онъ спасъ „людей отъ грѣховъ ихъ“ (Матѣ. 1, 21): тогда мы перешли Іорданъ, тогда приняли обрѣзаніе въ духѣ чрезъ ученіе двѣнадцати камней, тоестъ святыхъ учениковъ, о коихъ у пророковъ написано: „что камни святые катятся по землѣ“ (Зах. 9, 16). Обходившіе и обѣжавшіе всю вселенную, эти святые камни суть конечно тѣ, посредствомъ коихъ и мы обрѣзаны обрѣзаніемъ нерукотворнымъ въ духѣ, очевидно чрезъ Духа. Посему, когда мы призваны Хри-

етомъ въ царство небесное,—ибо это, полагаю, а не другое что, означаетъ вшествіе кого либо въ землю обѣтованную: тогда манна у насъ уже не прообразовательная, ибо мы уже не питаемся Моисеевыми писаніями,—но уже хлѣбъ небесный, то есть Христосъ, питающій насъ въ вѣковѣчную жизнь, чрезъ подаваніе Святаго Духа и сообщеніе Своей Плоти, влагающей въ насъ причастіе Бога и уничтожающей мертвенность (сущую) отъ изначальнаго проклятія.

VI. 35. Грядый ко мнѣ не имать възлкатися и вѣруяй въ Мя не имать вжаждатися никогда же ¹⁾.

Есть нѣчто прикровенное также и въ этихъ словахъ, что необходимо изъяснить. Обычно Спаситель Христосъ не только не лишалъ никогда святыхъ славы, но напротивъ—увѣчивалъ ихъ досточудною честію. Однакожъ, когда нѣкоторые изъ нѣвѣжественнѣйшихъ, не зная, какое имѣетъ Онъ надъ ними превосходство, приписывали имъ высшую славу, тогда Онъ весьма благополезно убѣждалъ ихъ имѣть болѣе правильное о Немъ представленіе, заставляя размышлять о томъ, кто есть Единородный и какимъ несравненнымъ превосходствомъ Онъ отличается. Но рѣчь объ этомъ Онъ составляетъ не особенно ясную, а нѣсколько затемненную и безъ всякихъ прикрасъ, по созерцанію самихъ дѣлъ или по сравненію заставляющую признавать Его превосходство. Такъ, напри- мѣръ, разговаривалъ Онъ нѣкогда съ Самарянской женщиною, коей обѣщался давать воду живую. Женщина же, не понявъ ничего изъ Его словъ, сказала: „неужели Ты больше отца нашего Іакова, который далъ намъ колодезь?“ (Іоан. 4, 12). И такъ какъ Спаситель желалъ убѣдить ее въ томъ, что Онъ выше

---

¹⁾ Св. Ал: не възлчетъ—не вжажетъ—точно.

Иакова и въ немалой мѣрѣ болѣе достоинъ вѣры, то обращаетъ рѣчь къ различію водъ, говоря: „всякъ, піющій отъ воды сей возжаждетъ опять, а кто будетъ пить отъ воды, которой Я дамъ ему, содѣлается въ немъ источникомъ воды, текущей въ жизнь вѣчную“ (ст. 13—14). И чрезъ это Онъ безъ сомнѣнія убѣждаетъ уразумѣвать именно то, что податель высшаго необходимо долженъ обладать конечно и превосходствомъ надъ тѣмъ, съ коимъ дѣлается сравненіе въ чемъ бы то ни было. Подобный же образъ изъясненія и наученія употребляетъ и теперь. Такъ какъ Іудеи дерзали какъ бы презирать Его и великомудрствовать надъ Нимъ, во всѣхъ отношеніяхъ предпочитая законодателя Моисея, и часто утверждали, что подобаетъ слѣдовать его постановленіямъ, а отнюдь не наставленіямъ Христовымъ, дарованіе манны и исхожденіе воды изъ скалы считая достовѣрнѣйшимъ доказательствомъ его превосходства надъ всѣми и надъ Самимъ даже Спасителемъ нашимъ Христомъ: то и необходимо переходитъ наконецъ къ обычному Своему приему и не говоритъ яснѣе, что Онъ выше Моисея, по причинѣ необузданной дерзости слушателей и весьма большой склонности ихъ къ гнѣву, но обращается опять къ самому чудесному дѣлу и изъ сравненія съ большимъ открываетъ малое. „Приходящій ко Мнѣ, говоритъ, не взалчетъ и вѣрующій въ Меня не возжаждетъ никогда“. Пусть такъ, говоритъ, — и Самъ Я соглашусь въ вами, что манна дана Моисею, но вѣдь вѣшіе алкали, — скажу, что и вода была вамъ дана изъ скалы (Моисеемъ), но пившіе жаждали и дарованіе сказанныхъ предметовъ доставляло только весьма маловременное пользованіе ими, — а ко Мнѣ приходящій не взалчетъ никогда и вѣрующій въ Меня не возжаждетъ никогда.

Итакъ, что же общаетъ Христось?—Ничего тлѣннаго, но благословіе, состоящее въ принятіи Святой Плоти и Крови, возводящей человѣка къ полному нетлѣнью, такъ что онъ уже не имѣетъ нужды ни въ чемъ, что отстраняетъ отъ плоти смерть, говорю очевидно о пищѣ и питъѣ. Водю, кажется, называется здѣсь опять освященіе чрезъ Духа или Самого Божественнаго и Святаго Духа, часто называемаго такъ въ божественныхъ писаніяхъ. Итакъ, святое Тѣло Христа животворитъ тѣхъ, въ комъ оно будетъ, и укрѣпляетъ къ безсмертію, соединяясь съ нашими тѣлами, ибо разумѣется тѣло не другаго кого, но Самой Жизни по природѣ, имѣющее въ себѣ всю силу соединеннаго съ нимъ Слова и какъ бы надѣленное Его свойствомъ, а вѣрнѣе уже и исполненное Его дѣйственности, посредствомъ коей все оживотворяется и сохраняется къ бытію.

Если же это такъ, то крещенные и вкусившіе божественной благодати, пусть уже знаютъ наконецъ, что лѣниво и рѣдко ходя въ церкви, по долгу уклоняясь отъ благословія Христова ¹⁾ и измышляя вредное благочестіе, состоящее въ нежеланіи участвовать въ таинственномъ общеніи со Христомъ, они тѣмъ самымъ удаляютъ себя отъ вѣчной жизни и отказываются отъ оживотворенія. Отказъ (отъ евхаристіи) обращается въ сѣтъ и соблазнъ, хотя онъ и казался у нихъ плодомъ благоговѣнія (къ таинству). Напротивъ, надлежитъ напрягать всю присущую имъ силу и рвеніе на то, чтобы являться скорыми на очищеніе грѣха,—болѣе всего стараться объ усвоеніи себѣ достойнѣйшаго поведенія и такимъ образомъ уже весьма бодро идти къ полученію жизни. Но

---

¹⁾ т. е. отъ евхаристіи и принятія св. таинъ.

такъ какъ сатана употребляетъ разнообразныя средства къ прельщенію, старается не позволять имъ имѣть здравыя и подобающія мысли и, грязня пороками, заставляетъ ихъ трепетать и самой даже благодати, посредствомъ коей надлежало бы имъ, какъ бы отъ вина и отъ опьяненія протрезвившись отъ влекущаго ко злу удовольствія (Іоил. 1, 5), видѣть и понимать полезное. Посему, расторгши узы его и свергнувъ возложенное на насъ его жестоковластіемъ ярмо, будемъ со страхомъ работать Господу, какъ написано (Псал. 2, 3. 11), — и, посредствомъ воздержанія оказываясь уже выше плотскихъ удовольствій, да приступаемъ къ божественной и небесной благодати и да восходимъ къ святому принятію Христа. Такимъ-то именно образомъ мы и препобѣдимъ дьявольское прещеніе и, ставъ общниками божественной природы (2 Петр. 1, 4), взойдемъ къ жизни и неплѣнью.

VI. 36. *Но рѣкъ вамъ, яко и видѣсте Мя и не въруете* ¹⁾.

Посредствомъ многихъ основаній опровергаетъ ихъ и всяческимъ образомъ привлекаетъ къ спасенію чрезъ вѣру. Но, какъ Богъ, не невѣдалъ Онъ, что они обратятся къ родственному и обычному, какъ бы съ воспитаніемъ усвоенному, невѣрію и не будутъ обращать никакого вниманія на Призывающаго ихъ къ жизни. Дабы поэтому знали они, что Іисусъ не невѣдаетъ о томъ, каковыми опять окажутся нѣкоторые. вѣрнѣе же надо сказать—чтобы извѣстно было имъ, что они находятся подъ божественнымъ гнѣвомъ, — присоединяетъ опять: „но Я сказалъ вамъ, что и ви-

¹⁾ Остр. оп. и предъ *видѣсте* какъ вѣк. греч. и др. Въ Зогр. и Гал. приб. *ми послѣ въруете*, соотв. вѣк. греч. Св. Ал: за *не—въроставе*.

дали Меня и не отвергнете“. Предвѣдалъ И, говоритъ, и ясно предсказалъ, что вы навѣрно пребудете жестокими и, неуступно преданные прелюбезному вамъ непослушанію, останетесь непричастными Моимъ дарамъ. Когда же нѣчто такое говорилъ о нихъ Христосъ? Припомни слова блаженнаго пророка Исаи: „иди и скажи народу этому: слухомъ послушаете, и не уразумѣете,—и видя увидите, и не познаете; ибо огрубѣло сердце народа этого“ (Иса. 6, 9—10). Развѣ слово это не окажется истиннымъ и въ разсматриваемыхъ нами теперь событіяхъ? Вѣдь конечно видѣли они, что Господь есть Богъ по природѣ, когда безчисленное множество шедшихъ за Нимъ Онъ напиталъ пятью ячменными хлѣбами и двумя рыбками. Но *видѣвъ не отвергнутъ*, по причинѣ ожесточенія, подобно слѣпотѣ, тяготѣвшаго вслѣдствіе божественнаго гнѣва на умахъ ихъ. И они были беспорно достойны этого состоянія, если, подверженные безмѣрнымъ грѣхопаденіямъ и удушаемые нерасторжимыми цѣпями беззаконій (Притч. 5, 22), не принимали даже Самаго Того, Кто пришелъ, обладая силою освобождать. По этой причинѣ огрубѣло сердце народа этого.

А что Іудейскій народъ изъ величія знаменія усматривалъ, что Иисусъ есть Богъ по природѣ, это можешь уразумѣть особенно изъ слѣдующаго. Удивившись совершившемуся (чуду), какъ выше говорилъ Евангелистъ, они старались „схватить Его, чтобы сдѣлать царемъ“ (ст. 15). Поэтому у Іудевъ не остается никакого извиненія въ ихъ безуміи. Справедливо поражаясь божественному знаменію и отъ дѣлъ соотвѣтственно приходя къ силѣ Чудотворца, они едва не содрагаются предъ благопослушаніемъ и (въ ужасѣ) отскакиваютъ отъ добрыхъ нравовъ, съ удовольствіемъ низвергаясь какъ бы на самое дно погибели.

VI. 37. *Все, еже дасть Мнѣ Отецъ, ко Мнѣ придетъ* ¹⁾.

Не просто надлежало Господу сказать: „*потому что и видѣли Меня, и не вѣруете*“, но было необходимо присоединить къ сказанному и причину ожесточенія, дабы узнали они, что подверглись божественному гнѣву. Итакъ, подобно какому либо весьма искусному врачу, и болѣзнь указываетъ имъ и открываетъ причину недуга не для того конечно, чтобы, узнавъ, они спокойно оставались въ томъ же самомъ состоянїи, но чтобы всяческимъ образомъ умиловивляли оскорбившагося на нихъ Владыку всяческихъ,— конечно по основательнымъ причинамъ, такъ какъ Онъ никогда не оскорбляется несправедливо и Вѣдующій судить правое никогда бы не сдѣлалъ надъ ними такого суда, если бы къ этому не вызывали основанія, дѣлающія Его всецѣло свободнымъ отъ всякаго обвиненія. Потомъ Спаситель утверждаетъ здѣсь, что къ Нему придетъ *все*, что дастъ Богъ и Отецъ—не потому, чтобы Самъ Онъ былъ не въ состоянїи приводить къ Себѣ вѣрующихъ. Если бы пожелалъ, Онъ совершилъ бы и это весьма легко „по дѣйствию силы Его и подчиненію Ему всего“ (Филипп. 3, 21). Но такъ какъ необходимо, кажется, требовалось говорить о томъ, что находящіеся въ невѣдѣнїи свѣтоводствуются божественною природою, то опять какъ чело-вѣкъ усвояетъ Отцу совершеніе того, что подобаетъ Богу. Это дѣлать было обычно Ему, какъ уже нерѣдко говорили мы. А въ словахъ, что приведено будетъ къ Нему Богомъ и Отцемъ *все, что Онъ дастъ Ему*, дѣлаетъ, какъ видно, прикровенное указаніе на имѣвшіе увѣровать и едва уже не вѣрова-

¹⁾ Ев. Ал: *всякъ ѡмъ лѣтъ ѡт* (3).

шіе народы языческіе. Это служило благородною угрозою, что они отпадутъ отъ благодати и на мѣсто ихъ войдутъ всѣ тѣ изъ язычниковъ, кои будутъ приведены милосердіемъ Бога и Отца къ Спасителю и Животворцу по природѣ сущему Сыну, дабы, участвуя въ благословіи отъ Него, они такимъ образомъ восходили къ нетлѣнію и жизни и преобразались въ изначальный природный свой видъ. Итакъ, подобно тому, какъ если кто приведетъ больного ко врачу, чтобы изгналъ поразившую болѣзнь, такъ, скажемъ, и Богъ и Отецъ приводитъ къ Сыну тѣхъ, кои являются достойными спасенія отъ Него. Слѣдовательно горькимъ и вполне гибельнымъ оказывается жестокосердіе для имѣющихъ его, почему и пророческое слово возстаетъ на Іудеевъ, громко восклицая: „обрѣжьтесь Богу и обрѣжьте жестокосердіе ваше, мужи Іудины и обитатели Іерусалима,“ (Іерем. 4, 4). Но не для нихъ, а напротивъ для насъ сохранилъ Богъ и Отецъ обрѣзаніе сердца, то есть совершаемое Духомъ Святымъ надъ скрытымъ Іудеемъ (Римл. 2, 29). Поэтому справедливо удаляться отъ непослушанія тѣхъ и стараться отрекаться отъ жестокосердія, а напротивъ пріобрѣтать себѣ кроткое настроеніе, если хотимъ избѣгать гибельнаго гнѣва (Божія) на нихъ.

VI. 37. И грядущаго ко Мнѣ не изжену во мѣ.

Обращеніе чрезъ вѣру, говоритъ, не останется безполезнымъ для приходящихъ къ Нему, ибо надлежало показать, что приведеніе къ Нему Богомъ и Отцемъ есть дѣло по истинѣ досточудное и исполненное многочисленныхъ благъ. Итакъ, будутъ, говоритъ, превеликія блага у призываемыхъ и приходящихъ ко Мнѣ чрезъ вышнюю благодать, ибо *не из-*

вергну вонъ приходящаго, тоестъ не отрину какъ негодный сосудъ, по сказанному однимъ изъ пророковъ: „обезчещенъ былъ Іехонія, какъ сосудъ, въ коемъ нѣтъ потребности,—отторгнуть и изверженъ былъ въ землю, которой не вѣдалъ: земля, земля! слушай слово Господне! запиши мужа сего изгнаннымъ человѣкомъ“ (Іерем. 22, 28—30). Итакъ, не будетъ, говорить, изгнанъ и не извержется вонъ, какъ безчестный, или отдѣлится, какъ непрічастный Моей благодѣтельности, но будетъ введенъ въ сокровищницу, упокоится въ небесныхъ обителяхъ и узритъ себя оказавшимся внутри всякой надежды, превышающей умъ человѣческой: ибо „глазъ не видѣлъ и ухо не слышало и на сердце человѣка не восходило то, что приготовилъ Богъ любящимъ Его“ (1 Кор. 2, 9). Словами: *не извергну вонъ приходящаго ко Мнѣ*, кажется, указываетъ опять на то, что вѣрующій и приступающій къ божественной благодати не будетъ преданъ суду. Такое же значеніе слово „*внѣ*“ имѣетъ, какъ можешь видѣть, въ извѣстной притчѣ у блаженнаго Матѳея. „Подобно, говорится тамъ, царство небесное неводу, закинутому въ море и изъ всякаго рода (рыбъ) собравшему, который поднявъ и на берегъ вытащивъ, собрали хорошее въ сосуды, а худое *вонъ* бросили“ (Матѳ. 13, 47—48). Подъ собраніемъ хорошаго въ сосуды мы должны разумѣть, что добрые люди будутъ собраны въ божественные и небесные дворы,—а подъ изверженіемъ негоднаго вонъ надо усматривать указаніе на то, что нечестивый лишится всѣхъ благъ и подвергнется суду. Итакъ, когда говоритъ Христосъ: *приходящаго ко Мнѣ не извергну вонъ*, то мы должны принимать, что приходящіе къ Нему чрезъ вѣру люди совсѣмъ не подвергнутся наказанію. А впадающимъ въ нелѣпное безразсудство въ этихъ словахъ, мнѣ ка-

жется, дается премудрѣйшая угроза, что если они не пожелаютъ обратиться къ скорѣйшему благопослушанію, то окажутся внѣ всякаго блага и даже невольно лишатся Его дружбы; ибо чрезъ то, что обѣщаетъ не извергать вонъ приходящаго, чрезъ это же самое указываетъ на то, что не идущаго (къ Нему) Онъ конечно извергнетъ.

П о п р а в к и :

Стран.	стр. св.	вмѣсто:	Н а д о :
160	21—22	подобно	подобіе
190	21	науждающимся	нуждающимся
192	22	было	быль
193	3	когда	когда
194	1	ученикомъ	ученикамъ
197	24	явиться намъ	окажется для насъ
198	31	ученикомъ	ученикамъ
200	21	толкованія	толкованіе
206	25	совершенно	вполнѣ
207	10	содѣлать	содѣлывать
—	14	иначе	въ противномъ случаѣ
210	34	но	впрочемъ
211	2	Но	И
—	4	благъ,	благъ,—
213	5	уваженіемъ къ этому не дозволяя	причемъ стыдъ за нихъ не дозволяя
—	20	но	по
220	25	цутямъ	трагизамъ
224	28	ударяющіяся	ударяющіеся
226	24	несущее	не—сущее
230	34	Стамбг.	Самбг.
231	21	приписывается	приписываются
234	30	Моисея	Моисеева
—	32	своей	по своей
252	29	думали	могли бы подумать
254	31	за Сына	Сына
261	10	Его власть	данную Ему власть
283	9	нерукотворенныхъ	рукотворныхъ
292	26	служба	будучи
303	8	темнаго изученія	этой прикровенной рѣчи
315	15	вѣра	призывъ къ вѣрѣ
—	16	исполненіе	удостовереніе въ исполненіи
318	32	смыслъ	смыслъ
321	19—20	направляемой	направлявшейся
—	21	сообщающейся	сообщавшейся
336	11	приведеть въ ужасъ	придетъ въ оцѣпеніе
338	6—7	принимается	старается
339	16—18	Также... излишнее	Также и наученіе, какъ исключительное свойство сущности Отца, будетъ вѣчто излишне
344	28	Онъ.	Онъ
350	21	на все	во все
351	18	это	этого
370	19	Своего	Своей
391	28—29	являя,	являя
440	3	и	и Ему
441	22—25	сходственное предложенію	родственное предмету
453	19	не дорогой	мало стоящей
—	23	хорошихъ	льстивыхъ
463	6—7	черезъ Него... съ Сыномъ	черезъ Сына какъ бы въ видъ вѣкаго закона разнообразность съ Нимъ
493	16	нѣвежественнѣйшихъ	нележественнѣйшихъ
496	16	прещеніе	прельщеніе